

Мёд на острие ножа

Александр Абросимов

18+

Александр Абросимов

Мёд на острие ножа

«Автор»

2026

Абросимов А.

Мёд на острие ножа / А. Абросимов — «Автор», 2026

Ее стихия — ревущее пламя и послушный раскаленный прут. Его мир — жужжание тысяч крыл и золотая вязкость воска. Когда городская хищница-куратор предлагает деревенской кузечнице Вере московские галереи и шелковые простыни, жизнь кажется простой шахматной партией. Но правила меняет Степан — угрюмый пасечник с руками, пахнущими полынью, и смертельной боязнью тесноты. Между предложением сытой славы и запахом дыма от его самокрутки Вера выбирает риск сгореть дотла. Им предстоит пережить летний пал, спасти чужие дома и понять, что настоящее золото выплавляется только там, где сходятся огонь и земля. Эта история о том, как трудно позволить себе быть мягкой, когда твои ладони помнят тяжесть молота. Роман о непреодолимой силе притяжения двух людей, созданных обжигать друг друга.

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Запах озона и окалины	6
Глава 2. Геометрия укуса	9
Глава 3. Третий вес	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мёд на острие ножа

Пролог

Вода не падала с неба она ввинчивалась в него сплошной свинцовой массой. Ночной ливень оголил стропила старой кузни, и теперь одно из тяжелых бревен гудело от напряжения, готовое проломить череп спящей на верстаке женщине.

Вера встретила удар спиной. Босые ступни заскользили по раскисшей глине. Мышцы вздулись веревками, позвоночник затрещал под непомерным весом мокрого дерева. Она закричала хрипло, без слов, выплевывая вместе с криком всю усталость последних лет. Вода шипела, попадая на край ее рабочего горна, где еще теплилась багровая зола. Пар вонял жженой шерстью и бедой. Капли пота смешивались с ледяным дождем на лице, но разжать пальцы было нельзя. Одно движение и многотонная махина раздавит инструменты, заготовки для новой дамасской стали и ее саму.

Отчаяние всегда пахнет озоном и остывающим железом. Вера чувствовала, как трещат ключицы. В голове билась только одна упрямая мысль: *«Не сегодня. Моя крыша не рухнет в грязь»*. Она качнула бревно, пытаясь найти точку опоры, перекинуть вес на здоровый угол, но скользкая пакля конопатки рвалась под пальцами, как гнилые нитки. Еще минута такого напряжения, и сухожилия лопнут со звуком перетянутой струны.

И тут сквозь рев стихии пробился другой звук. Сухой, ритмичный стук подкованных сапог по дощатому настилу веранды. Кто-то бежал к ней под навес, не боясь сорваться в овраг. Тяжелый мужской силуэт заслонил собой дверной проем, впуская внутрь косую стену воды.

Отпускай! голос был низким, режущим слух, привыкший к тишине. На счет три увожу вправо!

Чужие ладони легли рядом с ее руками на шершавое, осклизлое дерево. Пахнуло воском, полынью и здоровым мужским потом. Не тем кислым запахом городского стресса, который преследовал ее в прошлой жизни, а честным трудом.

Вера не знала его имени. Этот угрюмый пасечник жил через два двора и никогда не смотрел ей в глаза дольше секунды. Сейчас их лица разделяли лишь дюймы мокрого воздуха. Его дыхание опалило ее щеку.

Она кивнула, вложив остатки сил в это движение.

Раз. Дерево застонало. Два. Мир накренился. Три. Бревно ухнуло вниз, поднимая фонтан грязных брызг, но прошло мимо нее, врезавшись в земляной пол.

Ударная волна подбросила Веру. Она упала бы навзничь, если бы не крепкая хватка на ее предплечье. Степан рывком дернул ее на себя, выдергивая из-под обвала. Они оказались прижат друг к другу посреди рушащейся кузни. Его сердце колотилось о ее ребра так же часто, как дождь барабанил по дырявому металлу крыши.

Одиночество разбилось вдребезги вместе с первым упавшим стропилом. Впервые за два года кто-то стоял между ней и смертью. И впервые за эти же два года чужое прикосновение не вызывало желания отшатнуться или спрятать обожженные руки за спину. Оно приносило спасение. А спасителей положено либо ненавидеть за слабость, которую они увидели, либо... помнить тепло их кожи вечно.

Глава 1. Запах озона и окалины

Рассвет просачивался сквозь щели в ставнях неохотно, словно густая болотная вода. Вера разлепила веки и тут же зажмурилась от боли: мышцы спины превратились в перекрученные жгуты, а на ладонях вздулись свежие пузыри ожогов там, где вчера кожа соприкоснулась с раскаленным ясенем рухнувшего бревна. Кузня встретила ее мертвой тишиной и запахом катастрофы. Воздух был тяжелым, влажным, пропитанным гарью потухших углей и кислым духом мокрой псины это пахла ее собственная куртка, брошенная у порога.

Она села на верстаке, кутаясь в колючий плед. Инструменты лежали вповалку, земляной пол превратился в вязкое месиво, а над погасшим горном висел сизый туман. Крыша держалась на честном слове и одной чудом уцелевшей подпорке. Вчера ночью Степан спас ей жизнь. И инструменты. Эта мысль царапнула самолюбие сильнее, чем заноза. Она привыкла быть самодостаточной силой природы, скалой, о которую разбиваются чужие волны. А вчера она была просто слабой женщиной, которую выдернули из-под обвала сильные мужские руки.

Скрип тяжелой входной двери заставил ее напрячься. На пороге стоял он.

Степан выглядел так, будто провел ночь под ледяным водопадом, а потом проспал три часа стоя. Его льняная рубаша потемнела от влаги и прилипла к широким плечам, подчеркивая каждую впадину тренированного тела. Сажа прочертила две грязные дорожки по его щекам, как боевая раскраска. Он молча перешагнул порог, оставляя за собой комья жирной грязи, и воздух в кузне мгновенно изменился. К запаху гари примешался густой, почти осязаемый аромат цветущего луга, диких трав и чего-то сладкого, золотистого. Мед. У него в руках был старый деревянный туюсок, перевязанный бечевкой.

Вода ушла? голос Веры прозвучал хрипло, сорвано вчерашним криком.

Он лишь кивнул, медленно обводя взглядом разгром. Его глаза цвета темного янтаря остановились на ее обнаженных до локтя руках. Взгляд стал тяжелее свинца. Он видел ее слабость. Ненависть поднялась в горле горьким желчным комком. Ей хотелось швырнуть в него молот, прогнать со своей земли, стереть память о том, как она дрожала в его объятиях посреди руин.

Это плата, глухо бросил Степан, опуская туюсок на край чистого, сухого участка верстака. Первый взяток. Липа пошла.

Вера посмотрела на берестяную емкость. От нее исходило физическое тепло. Золотые соты, залитые весенним медом, казались осколками солнца в этом сером царстве разрухи. Пчелиная работа всегда восхищала ее своим абсолютным порядком то, чего катастрофически не хватало в ее собственной жизни после ухода отца и предательства московской галереи.

Мне не нужны подачки, отрезала она, отворачиваясь к горну, чтобы скрыть пылающее лицо. Если считаешь себя должником бери лопату. Там за сараем завалило дренажную канаву. Починишь будем квиты.

Это был вызов. Бросок перчатки в лицо. Она ожидала, что он развернется и уйдет, вернувшись в свой уютный мир жужжащих ульев и древесной стружки. Но дерево не отступает перед железом. Степан сделал шаг вперед. Доски пола застонали под его весом. Он навис над ней огромная, источающая жар и запах воска гора мышц. Пространство кузни вдруг стало невыносимо тесным.

Канавка подождет, его дыхание коснулось мочки ее уха, заставив кожу покрыться мурашками вопреки воле. Твои руки похожи на сырое мясо, Кузнец. Горн сегодня отдыхает.

Его пальцы сомкнулись вокруг ее запястья раньше, чем она успела отпрянуть. Хватка была стальной, но бережной. Он дернул ее руку к себе, поворачивая ладонью вверх. Вера замерла, парализованная близостью. От него пахло опасностью и домом одновременно. Озон

после грозы и свежая окалина боролись с тягучим ароматом меда. Два мастера. Две стихии. Огонь и Земля столкнулись на крошечном пятчке между наковальней и стеной.

Пусти, прошипела она, пытаюсь вырваться, но тело отказывалось подчиняться разуму. Каждая мышца кричала о вчерашнем перенапряжении, напоминая, кто удержал небо над ее головой.

Не дури, он проигнорировал сопротивление. Свободной рукой Степан снял с полки глиняную плошку с остатками топленого жира. Садись. Буду лечить глупость.

Он толкнул ее вниз, усаживая на низкий чурбак для рубки дров. Сам опустился перед ней на одно колено. Позиция была донельзя интимной, уязвимой. Господин и рабыня. Целитель и раненая. Мужчина, который собирается касаться женщины там, куда последние два года никто не имел права даже смотреть. Вера вцепилась пальцами в края чурбака так, что побелели костяшки. Инстинкт требовал ударить его, оттолкнуть, сохранить дистанцию в десять шагов, положенную между чужими людьми.

Но он уже начал действовать. Его большие, огрубевшие от рамок и лопат ладони были невероятно теплыми. Он зачерпнул жир, растер его между своими пальцами, согревая, и коснулся ее кожи.

Первое прикосновение было шоком.

Вера шумно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Степан наносил мазь медленными, втирающими движениями, прощупывая каждый дюйм обожженной плоти. Его пальцы двигались с точностью хирурга, но нажим становился все увереннее, глубже, исследуя границы дозволенного. Он массировал основание ее большого пальца, круговыми движениями разгоняя кровь, спускаясь ниже, к чувствительной коже между фалангами.

Ты слишком сильно сжимаешь инструмент, тихо пророкотал он, склоняясь еще ниже. Теперь их лица разделяли считанные сантиметры. Она видела каждую ресницу, темные точки щетины на его подбородке, каплю пота, скатившуюся по шее в вырез рубахи. Отсюда вся боль в предплечье. Ты пытаешься удержать вес мира одними руками. Так только сломаешься.

Его слова били точнее любого молота. Они попадали в те трещины души, которые она годами замазывала сваркой равнодушия. Тепло его рук проникало сквозь слой жира, сквозь волдыри, добираясь до самых костей. По телу прокатилась волна жидкого огня, не имеющего ничего общего с температурой плавления стали. Это было желание. Грубое, первобытное, стыдное в своей неуместности среди пепелища.

Я.. умею держать удар, выдохнула она, когда его большой палец прошелся по линии жизни, вызывая спазм внизу живота.

Удар да, согласился Степан. Его голос сел, превратившись в бархатный наждак. Он поднял взгляд. Темная радужка расширилась, поглотив почти весь янтарь, оставив лишь тонкий болезненный ободок. А вот ласку нет. Застыла внутри, как не доплавленный чугунок. Твердая, но хрупкая. Один неверный замах и рассыплешься в пыль.

Он наклонился ниже. Вера закрыла глаза, сдаваясь. Сердце билось где-то в глотке, мешая дышать. Она чувствовала, как бьется его сердце ровно, глубоко, как удары тяжелого пресса. Запах меда стал невыносимым, кружащим голову. Когда его губы коснулись центра ее ладони, прямо поверх самого страшного ожога, поцелуй получился соленым от мази и сладким от предвкушения.

Это не было нежностью. Это было клеймение. Заявление прав.

Вера резко вскочила, отталкивая его коленями. Чурбак с грохотом перевернулся. Расстояние в один шаг показалось спасением и пыткой одновременно. Ее грудь тяжело вздымалась, соски затвердели от утреннего холода и внезапного жара, натянув тонкую ткань майки.

Вон, выдавила она, указывая трясущимся пальцем на дверь. Забирай свою плату и уходи. Канаву я выкопаю сама.

Степан поднялся медленно, нарочито плавно. В его глазах больше не было насмешки или снисхождения. Там плескалось такое же дикое, неконтролируемое пламя, какое бушевало в ее собственном горне. Он подошел к туюску, взял деревянную ложку, черпнул густой, янтарный мед и отправил в рот. Закрыв глаза, смакуя вкус. Затем посмотрел на нее исподлобья:

Выкопай. Я буду ждать с лопатой завтра на рассвете. Долг платежом красен, Кузнец. Особенно если долг этот твоя жизнь.

Он вышел, оставив дверь распахнутой настежь. Утренний сквозняк пронесся по кузне, шевеля волосы Веры и остужая пылающую кожу. Она осталась стоять посреди разгрома, прижимая обработанную им руку к груди, словно та была ранена смертельно.

Пространство двора внезапно перестало принадлежать только ей. Огромная территория сузилась до узкой тропинки между ее крыльцом и калиткой пасечника. Каждый звук оттуда теперь будет иметь значение. Каждое движение теней за забором станет вызовом.

Вера подошла к верстаку и с силой ударила кулаком по дубовой колоде. Боль в костяшках отрезвила, но не погасила пожар, который он разбудил одним прикосновением губ к ладони. Этот мужчина принес в ее стерильную, выжженную дотла мастерскую нечто похуже воды и грязи. Он принес туда саму Жизнь, липкую, сладкую, жалящую и абсолютно неподконтрольную.

И самое ужасное заключалось в том, что она хотела этого вкуса снова. Прямо сейчас. Даже если ради этого придется позволить ему копать в ее сломанных внутренностях каждое утро.

Глава 2. Геометрия укуса

Утренний холод пробирал до костей, но Вера не чувствовала озноба. Внутри нее полыхал сухой спирт злость на собственную слабость и жгучее воспоминание о губах Степана на ее ладони. Она вышла во двор с тяжелым деревянным молотком в руке, намереваясь выместить ярость на заваленной дренажной канаве, но замерла на полушаге.

Степан уже был там. Он стоял у своего омшаника приземистого бревенчатого строения, покрытого седым мхом. На нем была только потертая кожаная безрукавка надетая прямо на голое тело. Утреннее солнце путалось в темных волосах на его груди, золотило капли пота на плечах. Он работал споро, разбирая старый медогон, и каждый взмах его руки заставлял мышцы перекачиваться под кожей с пугающей грацией дикого зверя.

Вера сглотнула, пытаясь вернуть себе статус хозяйки положения. Сказала же, на рассвете, бросила она хрипло. Сейчас еще роса не сошла.

Он обернулся. Его лицо было лишено вчерашней ночной мягкости. Теперь это была маска сосредоточенного ремесленника. Но когда их взгляды встретились, по воздуху снова проскочила искра. Та самая, что вчера едва не сожгла кузню дотла вместе с ними обоими.

Роса пчелам не помеха, если рамки гнутые, он кивнул на кучу деревянного лома. Твой отец ковал мне стяжки для ульев лет десять назад. Металл устал. Железо тоже имеет предел прочности, Кузнец. Как и терпение.

Это был удар ниже пояса. Упоминание отца. Вера сжала челюсти так, что закрипела эмаль, и шагнула вперед, принимая вызов. Они работали молча около часа. Это было странное, дерганое партнерство. Когда их руки случайно соприкасались над очередной рамкой, оба отдергивали пальцы, словно обжегшись, а потом, злясь на себя, тянулись друг к другу снова. Воздух между ними вибрировал от невысказанного. Запахи смешивались: ее окалина и машинное масло против его прополиса и цветочной пыльцы. Геометрия их тел в узком пространстве сарая напоминала сложный чертеж, где каждое движение требовало точного расчета, чтобы избежать столкновения.

К обеду они перебрались к экспериментальному улью-лежаку. Механизм верхней крышки безнадежно заклинило из-за разбухшего дерева. Степан лег грудью на влажный бортик, просовывая руку глубоко внутрь корпуса, пытаясь нащупать стопор. Его поза была абсолютно незащитной и невероятно эротичной. Поза ягодиц напряглась, ткань штанов натянулась до предела. Вера старалась смотреть только на деревянные сочленения, но взгляд сам собой соскальзывал вниз по мощному позвоночнику, вдоль ложбинки спины.

Дай левее, скомандовала она, подаваясь вперед, чтобы лучше видеть механизм. Ее грудь коснулась его сапога. Степан резко втянул воздух сквозь зубы.

В ту же секунду снаружи раздался нарастающий гул. Низкий, вибрирующий звук, похожий на работу трансформаторной будки. Гул перерос в утробный рык. Деревянные стенки улья задрожали мелкой дрожью.

Замри, прошипел Степан, даже не повернув головы. Только не дыши. Я почти достал...

Но было поздно. Древесина треснула с сухим пистолетным звуком. Стопор сорвался, крышка отлетела в сторону, и из темного нутра вырвалась живая черная река. Тысячи насекомых. Рой защищал свою матку.

Первая пчела ужалила Веру в предплечье. Боль была острой, как игла электрика, но терпимой. Вторая вошла точно в шею. Третья в ключицу. Насекомые метались в солнечном луче, бились о кожу, ища уязвимые места. Вера вскрикнула, замахала руками, окончательно разрушая хрупкое равновесие.

Воздух наполнился яростным жужжанием. Инстинкт самосохранения бросил Веру назад, под защиту стены дома. А вот Степан оказался в ловушке. Пригвожденный собственным весом

к борту улья, он стал идеальной мишенью. Одна из защитниц гнезда нашла цель. Тонкое черное жало вошло в правую сторону шеи, чуть выше ключицы. Прямо в сонную артерию.

Гул мгновенно стих. Словно кто-то выключил рубильник мироздания. Наступила звенящая, жуткая тишина. Рой медленно редел, возвращаясь в разбитый дом, потерявший королеву.

Вера открыла глаза. Мир плыл перед глазами от адреналина, но зрение обострилось до болезненной четкости. Она видела каждую пору на коже мужчины. Степан пытался встать, но ноги подкосились. Он привалился спиной к стене омшаника, тяжело опираясь на руки. Лицо стремительно меняло цвет от здорового загара к восковой бледности, на которой лихорадочным румянцем горели скулы.

Степь? она подбежала ближе, забыв об осторожности. Сколько?

Он попытался ответить, но вместо слов издал глухой хрип. Его кадык дернулся, сглатывая слюну. Правая сторона шеи начала чудовищно, неестественно быстро отекает. Кожа натягивалась глянцево, превращаясь в пергамент, под которым пульсировала синеватая жила. Отек полз вниз, к плечу, искажая красивые линии мышц. Дыхание стало поверхностным, свистящим. Анафилаксия. Или просто критическая доза яда. Время пошло на минуты.

Сядь, Вера силой усадила его на перевернутую колоду. Ее собственные укусы горели огнем, но сейчас чужой страх выжигал ее боль начисто. Не закрывай глаза! Говори со мной!

Его губы посинели. Взгляд затуманивался. Он уходил в темноту, и этот сильный, нестигаемый человек выглядел сейчас сломанной куклой. Страх ледяной рукой сжал внутренности Веры. Если он умрет здесь, на этой грязной земле, рядом с дурацким ульем, она никогда не простит себе этого холода. И того, что последние часы провела, ненавидя его запах.

Держись, выдохнула она. Я знаю, что делать.

Ее мозг переключился в режим спасателя. Эмоции отсекло. Осталась только биомеханика. Нужен доступ к кровотоку. Нужно выдавить яд. Нужен разрез. Вера метнулась в кузню. Руки действовали сами: схватить самую тонкую швейную иглу, пассатижами обломать ушко, оставив лишь острейшее лезвие-лезвие. Обмакнуть в банку с крепким хлебным самогоном, стоящую тут же для протирки инструментов. Спирт должен нейтрализовать токсины хотя бы частично.

Она вернулась быстрее ветра. Степан сползал с колоды, закатывая глаза. Шея превратилась в уродливый фиолетовый валун.

Терпи, приказала она, хватая его за подбородок стальной хваткой. Будет очень больно. Очень.

Она прицелилась. Геометрия спасения не знает жалости. Острие самодельного ланцета вошло в набухшую плоть ровно над местом укуса. Брызнула темная капля крови, смешанная с лимфой. Вера нажала сильнее, делая крестообразный надрез. Кожа разошлась, обнажая мышечные волокна. Степан взвыл низко, животом, выгнувшись дугой так, что затрещали доски пола. Его руки сомкнулись на ее запястьях мертвой хваткой, ногти впились в кожу, но сил удержать или оттолкнуть не хватило. Он мог только терпеть.

Пей, прохрипел он, мотая головой.

Вера поняла его без слов. Старый дедовский метод пасечников. Высосать яд, пока он не ушел вглубь. Она отбросила ланцет, который упал в траву с глухим стуком. Наклонилась вплотную.

Их лица оказались в дюйме друг от друга. Его дыхание опалило ее щеки запахом полыни и близкого обморока. Кровь стекала по его шее тонкой красной змеей, исчезая за воротом кожаной безрукавки. Вера прижала свои губы к кровоточащему разрезу.

Первое касание было металлическим вкус железа, соли и смерти. Она втянула в себя теплую жидкость. Горло обожгло спиртом и ядом. Это было самое интимное действие в ее жизни. Более откровенное, чем любой секс. Она буквально вытягивала смерть из его вен своим дыханием, своей слюной, своей жизнью. Ее язык прошелся по краям раны, массируя ткани,

выдавливая остатки токсинов. Пальцы второй руки давили на плечо, работая как насос, гоняя кровь к ее рту.

Тело Степана под ней начало меняться. Мертвая хватка на ее руках ослабла. Из горла вырвался не вой боли, а низкий, грудной стон, полный такого неприкрытого животного наслаждения, что у Веры подогнулись колени. Он реагировал на ее рот на своей шее так, словно она делала нечто греховное и божественное одновременно. Его бедра непроизвольно дернулись вверх, прижимаясь к ее колену, раздвинутому для упора.

Вера подняла голову, переводя дух. Губы были багровыми. По подбородку текла тонкая струйка его крови.

Еще, просипел он, открывая наконец совершенно ясные, черные от расширившихся зрачков глаза. Безумие плескалось в них на поверхности. Продолжай. Дави.

Она опустилась обратно. Второй глоток пошел легче. Теперь она чувствовала не только яд, но и его вкус. Солоновато-сладкий, мужской, первобытный. Она высасывала яд, а казалось пьет саму его душу. Ее собственная промежность стала влажной и горячей от этого ритмичного движения давление пальцами, всасывание губами, толчок его бедер навстречу. Стерильная тревога хирурга сгорела дотла, осталась только голодная, требовательная женщина.

Отек начал медленно, неохотно спадать. Фиолетовый цвет сменялся нормальным розовым. Дыхание Степана выравнилось, но напряжение в паху никуда не делось напротив, оно стало очевидным фактом, упирающимся ей в бедро. Он был опасно, болезненно возбужден процессом собственного спасения.

Когда Вера наконец отстранилась, тяжело дыша, вся в поту и чужой крови, он поймал ее за затылок. Его пальцы запутались в ее мокрых от работы волосах.

Хватит... лекарь, голос вернулся к нему, но стал глубже на несколько октав, вибрируя от сдерживаемой страсти. Яд ты вытащила. Кажется.

Он рывком притянул ее к себе, преодолевая последние сантиметры сопротивления. Их тела столкнулись с такой силой, что воздух выбило из легких. Его губы нашли ее рот жестоко, властно, слизывая остатки собственной крови. Это был поцелуй победителя и побежденного. Он пил ее дыхание, кусал ее губы в ответ на те укусы, что оставили пчелы на ее плечах.

Вера ответила ему с той же первобытной жадностью. Ее руки, привыкшие держать тяжесть молота, легли на его израненную спину, царапая ногтями кожу поверх ребер. Она чувствовала, как бешено колотится его сердце под ее ладонью ритм войны, ритм охоты, ритм спаривания.

Солнечный свет падал сквозь щели крыши омшаника, полосуюя их обнаженные торсы золотыми и серыми лентами. Запах меда, пота, сырой земли и свежей крови создал густой коктейль, пьянящий сильнее самогона. Лед отчуждения не просто треснул он испарился в огне внезапной, шокирующей близости. Спасение чужого тела оказалось кратчайшим путем к обладанию душой.

Они рухнули на жесткий деревянный настил среди разбросанных инструментов, разрывая одежду, которая вдруг стала мешать дышать. Кузня стояла открытой всего в двадцати шагах, но ни один из них больше не принадлежал своему ремеслу. Они принадлежали только этому моменту, этим содранным коленям, этому вкусу крови на языке и осознанию того, что граница между убийцей и спасителем сегодня стерлась окончательно.

Глава 3. Третий вес

Гудение трансформатора на столбе у въезда в деревню прозвучало как похоронный звон по их утренней дикости. Вера отпрянула от Степана так резко, словно ее ударило током. Воздух между ними все еще был густым и тяжелым после случившегося в омшанике, пах озоном и медовым потом, но этот новый звук ровный, сытый, абсолютно чужеродный для гари и пчел разрезал его пополам.

К воротам подкатил черный внедорожник с тонированными стеклами. Он выглядел на разбитой грунтовке как инородное тело, космический корабль, совершивший аварийную посадку посреди картофельного поля. Двигатель затих, и наступившая тишина показалась Вере звоном в ушах после контузии.

Сиди здесь, бросил Степан, поднимаясь с деревянного настила.

Он двигался тяжело, припадая на одну ногу напоминая о спазме мышц во время их падения. Его льняная рубаша была измята, на шее алели свежие царапины от ее ногтей, которые она вчера приняла бы за клеймо позора, а сейчас видела лишь карту своих побед. Он вышел на солнце, загораживая собой дверной проем кузни, превращаясь в темный силуэт. В руках он машинально крутил кусок сырой липы ошкуривал его большим пальцем, снимая золотистую стружку. Это движение всегда успокаивало его нервы перед бурей.

Вера осталась стоять в полумраке. Она судорожно запахла прожженную брезентовую куртку, пряча следы укусов на ключицах и припухшие губы. Сердце колотилось где-то в горле, паника ледяными иглами впивалась в затылок. Только что она принадлежала этому мужчине без остатка, дышала им, пила его кровь. И вот теперь реальность в виде кожаного салона и кондиционера входила в их мир.

Хлопнула дверь машины. Роман ступил на траву с грацией хищника, вышедшего на охотничью тропу в дорогих городских туфлях. На нем был костюм цвета мокрого асфальта, сшитый так идеально, что казался второй кожей. Он улыбнулся профессионально, обнажая ряд безупречных зубов, предназначенных скорее для поедания устриц, чем для разговоров с людьми земли.

Доброе утро, хозяева, голос Романа звучал дорого, обволакивающе, с бархатными нотками успешного переговорщика. Не помешаю творчеству?

Степан даже не повернул головы. Он продолжал строгать свою липовую болванку, превращая дерево в пыль. Нож в его руке двигался с монотонностью метронома. Этот молчаливый игнор был красноречивее любых оскорблений.

Роман перевел взгляд своих холодных серых глаз на Веру. Оценивающий, раздевающий, сканирующий. Так смотрят не на женщину, а на лот аукциона или дефектный товар. Кузнец, протянул он, смакуя слово. Звучит почти мифически. Я привез вам будущее. Настоящее вас, кажется, уже порядком утомило.

Он раскрыл дорогой кожаный портфель. На свет появились листы плотной мелованной бумаги, скрепленные хромированным зажимом. Рядом легли образцы металла тончайшая дамасская проволока, титановая сетка, слитки булата причудливой формы. Тендер на оформление лобби нового бизнес-центра в Сити, Роман пустил документы по воздуху к ногам Веры. Листы спланировали в грязную лужу, оставшуюся после ливня. Бюджет неограничен. Срок три месяца. От тебя требуется только концепция и пара мастер-моделей. Остальное сделают твои подмастерья... если ты соизволишь их нанять. Твои работы называют «поэзией холоднойковки». Мы дадим тебе статус национального достояния. Галереи, обложки глянца, богатые вдовы, скупающие твою боль литрами.

Каждое слово было точным ударом скальпеля. Он предлагал ей выход. Легальный, чистый способ сбежать из этой ямы с земляным полом обратно в стеклянные башни Москвы.

Обратно в цивилизацию, где женщины носят шелк, а не прожженные ватники, и где мужчины дарят бриллианты, а не высасывают пчелиный яд из шеи.

Вера почувствовала, как желчь подступает к горлу. Ее искусство это пот, сожженные легкие и кровавые мозоли. А он хочет превратить это в сувенир для скучающих менеджеров.

Мои работы не тиражируются, процедила она, глядя мимо него на Степана. Тот стоял неподвижно, сжимая кусок липы до побелевших костяшек. Дерево жалобно хрустнуло.

Брось эти деревенские сказки про душу в металле, Роман усмехнулся, делая шаг ближе. Теперь он нарушал ее личное пространство, источая аромат дорогого парфюма, который пытался забить запах полыни, тянувшийся от соседа. Искусство — это рынок. Ты либо продаешь себя дорого, либо гниешь заживо в своей норе вместе с этим... лесовиком. Посмотри на него, Вера. У него же глисты под ногтями. Что ты можешь построить с человеком, чей потолок жизни починка протекающего самовара?

Это было объявление войны. Прямой вызов через унижение соперника. Вера сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ей хотелось стереть эту самодовольную ухмылку с его лица ударом тяжелого кулака. Но вместо этого она сделала то, чего Роман никак не ожидал. Она шагнула вперед, сокращая дистанцию, вторгаясь в его зону комфорта, и положила ладонь на грудь Степану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.